

KULTURY WSCHODNIOŚLAWIAŃSKIE – OBLICZA I DIALOG, t. VII: 2017

**ПРОБЛЕМА АВТОТЕЛИЧНОСТИ ЯЗЫКА
В РОМАНАХ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА¹**
**ZAGADNIENIE AUTOTELICZNOŚCI JĘZYKA
W POWIEŚCIACH WIKTORA PIELEWINA**
**THE QUESTION OF THE AUTOTELEOLOGY
OF LANGUAGE IN VIKTOR PELEVIN'S NOVELS**

Mateusz Jaworski

Uniwersytet im. A. Mickiewicza, Poznań – Polska,
matjaw@amu.edu.pl

Abstract: Viktor Pelevin is one of the most outstanding novelists in contemporary Russian literature. His works are popular with both professional critics and ordinary readers in the whole world. The present paper aims at finding the key characteristics of Pelevin's poetics. Therefore, the author has decided to employ the notion of reconfiguration, which depicts the complexity of interrelations between the Russian writer's novels. The conducted analysis of one of the dominant aspects of this intertextual network – the motif of the autoteleology of language – has revealed a new universe of meanings.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, реконфигурация, русская литература, автотеличность языка, гносеология.

Słowa kluczowe: Wiktor Pielewin, rekonfiguracja, literatura rosyjska, autoteliczność słowa, gnoseologia.

Keywords: Viktor Pelevin, reconfiguration, Russian literature, autoteleology of language, gnoseology.

Проза Виктора Пелевина, выдающегося представителя последнего поколения русских писателей, мироощущение и творческие взгляды которых первоначально сформировались еще в советское время², с момента издания сборника *Синий фонарь* (1991) и романа *Омон Ра* (1992) по сей день беспрестанно пользуется огромной попу-

¹ Текст статьи является частью не законченной еще диссертационной работы на тему: *Реконфигурация в романной поэтике Виктора Пелевина. Солипсизм – язык – история*.

² Объем данной статьи главным образом не охватывает вопросов биографии и жизненного пути автора *Смотрителя*, поэтому данная проблема не разрабатывается нами подробно, становясь релевантной только в контексте формулирования мировоззрения и выработки творческого метода. Заинтересованному читателю рекомендуется: С. Полотовский, Р. Козак, *Пелевин и поколение пустоты*, Москва 2012.

лярностью как среди критиков и исследователей литературы³, так и читателей-любителей во всем мире. Русский писатель опубликовал четырнадцать романов и несколько сборников рассказов и повестей⁴, которые были переведены более чем на тридцать языков. На наш взгляд, прозу автора *Чапаева и Пустоты*, в особенности его романное творчество, можем метко описать посредством слов Жака Деррида: „Текст является текстом только тогда, когда скрывает от первого взгляда, от первого попавшегося, закон своего построения и правило игры”⁵. Произведения Пелевина, может быть, вследствие подобной имманентной скрытности и неочевидности текстовой ткани ускользают от четкого и однозначного определения, находясь на границе разнообразных эстетических (и мировоззренческих) парадигм — постмодерна, дальневосточной школы мышления, традиционной „высокой” литературы, массовой словесности и постсоветской литературы.

С точки зрения литературоведческого анализа безусловно важно и интересно найти инвариант пелевинского прозаического проекта, т. е. своеобразной *поэтики*, лежащей в основе творческого метода писателя. Нынешняя статья опирается именно на это стремление расшифровать или, точнее, раскрыть потенциал генерирования смыслов пелевинского письма. Тщательный анализ всех художественных текстов автора *Священной книги оборотня* позволил нам заметить несомненно доминирующую роль романного творчества,

³ См. например А. Генис, *Поле чудес*, [в:] электронный ресурс: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen2/1.html> (09.09.2016); А. Немзер, *Как я упустил карьеру*, [в:] электронный ресурс: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-nemz/1.html> (05.04.2016); А. Антонов, *ВНУЯЗ („внутренний язык”) в творчестве Пелевина*, „Грани” 1995, № 175, с. 125–148; О. Богданова, С. Кибальник, Л. Сафронова, *Литературные стратегии Виктора Пелевина*, Санкт-Петербург 2008; М. Липовецкий, *Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе*, „Знамя” 1999, № 11, с. 207–215; E. Pańkowska, *Kategoria pustki w światopoglądzie powieści „Mały palec Buddy” Wiktora Pielewina*, „Studia Wschodniosłowiańskie” 2014, t. 14, с. 65–87; S. Dalton-Brown, *The Dialectics of Emptiness: Douglas Coupland’s and Viktor Pelevin’s Tales of Generation X and P*, „Forum for Modern Language Studies” 2006, No. 3 (42), с. 239–248; K. Livers, *The Tower or the Labyrinth: Conspiracy, Occult, and Empire-Nostalgia in the Work of Viktor Pelevin and Aleksandr Prokhanov*, „The Russian Review” 2010, No. 69, с. 477–503.

⁴ Здесь имеются в виду сборники: *Синий фонарь* (1991), ДПП (НН) (2003), П5: *прощальные песни политических пигмеев Пиндостана* (2008), *Ананасная вода для прекрасной дамы* (2010). См. В. Пелевин, *Синий фонарь. Сборник*, Москва 2014; Его же, ДПП (НН), Москва 2013; Его же, П5: *прощальные песни политических пигмеев Пиндостана*, Москва 2008; Его же, *Ананасная вода для прекрасной дамы*, Москва 2015.

⁵ Ж. Деррида, *Диссеминация*, пер. Д. Кралечкина, Екатеринбург 2007, с. 73–74.

в пределах которого можем обнаружить удивительную последовательность реализации некоего набора неизменных в своей сущности идей с помощью целого обилия разнообразных форм изображения. Следовательно, предметом нашего анализа-интерпретации будут исключительно романы Пелевина, начиная с *Омон Ра* и кончая *Смотрителем* (2015)⁶.

Центральным понятием последующих рассуждений и, одновременно, организующей концепцией в рамках предложенной нами интерпретации является термин *реконфигурация*. Слово „конфигурация“ имплицитно (со)существование, как минимум, двухуровневой структуры, состоящей из определенного набора постоянных элементов и (потенциально мимолетного или, точнее, ограниченного индивидуальным случаем) их расположения относительно друг друга. Так, например, гипотетические объекты „А“, „Б“ и „В“ могут появиться в различных вариантах организации, т. е. в многообразных *конфигурациях*. Стоит заметить, что данный пример, по своей сути сводящийся к одномерной математике, однако, не в состоянии выразить огромного множества других, более сложных и интересных возможностей, скрывающихся в пределах данного понятия, среди которых значительную роль, безусловно, может играть применение его при определении глубинной организации литературного произведения. В таком ракурсе отдельные абстрактные элементы (носители устойчивых вторичных значений) — идеи, обнаруживающиеся в границах художественного текста, могут быть изображены самыми разными способами (меняющиеся творческие реализации), т. е. появиться во всевозможных контекстах-*конфигурациях*. Причем последовательность и ясность литературоведческого анализа требует терминологической точности, и поэтому, на наш взгляд, необходимо четко различить эти два нередко пересекающихся слоя текстовой ткани. В нынешней статье качественно неизменные компоненты (уровень идеи) определяем как *поле реконфигурации*, которое реализуется посредством разнообразных форм, образов, стилей, мотивов, языков и др. В своей сущности поле реконфигурации обладает постоянством, так как *априорно* заключает в себе все возможные реализации. В таком ракурсе обилие неоднородных форм художественной экспрессии необязательно имплицитно изменения глубинных смыслов и значений — ведь употребление

⁶ Необходимо отметить, что последними (до сих пор) романами русского писателя, появившимися в печати, является *Лампа Мафусаила, или крайняя битва чекистов с масонами* (2016) и *iPhuck 10* (2017). Однако данные тексты разрабатываются в основной части наших размышлений. См. В. Пелевин, *Лампа Мафусаила, или крайняя битва чекистов с масонами*, Москва 2016; Его же, *iPhuck 10*, Москва 2017.

разных приемов парадоксально может вести лишь только к другим, качественно одинаковым конфигурациям или, точнее — *реконфигурациям*⁷. В дальнейшем постараемся проследить варианты изображения концепта автотеличности языка в романах Пелевина, одновременно проверяя смыслообразующую силу вышеопределенного интерпретационного ключа.

В начале нашей разработки интересующего нас аспекта романного творчества Пелевина стоит сделать акцент на тотальности насилья *слова*, стоящую за любым усилием познающего ума. Весь процесс человеческого накапливания знаний о мире и наблюдения за собственной рефлексией обусловлен подошкой абстрактного мышления, опирающегося на имманентную структуру языка⁸. В контексте гносеологии, предполагающей существование объективной истины, такая вторичность познания может значительно ослабить его достоверность. К тому же автор *Омон Ра* в своих романах целеустремленно указывает, может быть, на самое уязвимое место такого пути к постижению истинной природы бытия — на автотеличность слова.

Интересным примером реконfigurационной реализации очерченного выше образа пелевинской гносеологии является наркотический опыт Вавилена, во время которого молодому криворукому удается перенестись в пространство непосредственной данности. Однако немедленно оказывается, что контакт с истинной реальностью неперевоодим на язык человеческого познания:

В его [Татарского — М. Я.] памяти остались только слова, которым надлежало нести эту истину: „Смерти нет, потому что ниточки, исчезают, а шарик остается”⁹.

— Господи, — пробормотал он, — как все-таки трудно протащить сюда хоть что-то...

— Вот именно, — сказал тихий голосок. Откровение любой глубины и ширины неизбежно упрется в слова. А слова неизбежно упрутся в себя¹⁰.

⁷ Ср.:

Медиумы Оленьего парка создают не только известное тебе облако смыслов [...]. Что гораздо важнее, они определяют траекторию его движения. Юка меняется таким образом, что она не меняется никогда.

В. Пелевин, *Смотритель. Железная бездна*, Москва 2015, с. 107.

⁸ Ср.:

Ум — это только способ говорить. [...] Говорят, что надо видеть не выдуманную пустоту, а ту, которая есть на самом деле. Хотя в этом совете и заключен главный подлог, потому что нет никакой пустоты, пока мы не создаем ее из слова „пустота”.

В. Пелевин, *Т*, Санкт-Петербург 2015, с. 327.

⁹ Ср. В. Пелевин, *Generation „П”*, Москва 2014, с. 74.

В данном фрагменте наивная вера в трансцендентную природу языка сталкивается со своей противоположностью — фактом самонаправленности слова, понимаемого как общий модус мышления. В результате навязчивого воздействия слова истина становится эфемерным миражом или, точнее — полузабытым откликом мимолетной встречи с объективной действительностью.

Химеричность и неустойчивый характер познания любопытным образом разрабатываются Пелевиным также в *Священной книге оборотня*. Передавая свое просветительское учение о сверхоборотне, лиса А Хули большое внимание уделяет прочности категории истины и формам доступа, находящимся в распоряжении познающего сознания:

[...] В истине нет ничего такого, что можно понять раз и навсегда. Поскольку мы видим ее не глазами, а умом, мы говорим „я понимаю“. Но когда мы думаем, что мы ее поняли, мы уже ее потеряли. Чтобы обладать истиной, надо ее постоянно видеть — или, другими словами, понимать вновь и вновь, секунда за секундой, непрерывно¹¹.

Следует отметить, что вышеприведенное выражение „постоянно видеть истину“ имплицитно подразумевает невозможность сохранить ее в памяти, т. е. *пересказать* ее как данность¹². Закономерным следствием этого ключевого для теории познания положения является полное отрицание языка в качестве надежного познавательного инструмента. В разговоре-наставничестве с Александром А Хули решительно придерживается такой трактовки данной проблемы:

— Что же, по-твоему, слова не могут отражать истину?

Я отрицательно покачала головой. [...]

— А что есть истина?

Я промолчала.

— Что? — повторил он.

Я молчала. [...]

— Я тебя спрашиваю, рыжая.

— Неужели непонятно? Молчание и есть ответ¹³.

¹⁰ Там же, с. 245.

¹¹ В. Пелевин, *Священная книга оборотня*, Москва 2015, с. 331.

¹² Здесь любопытно сравнить такую трактовку вопроса с философскими концепциями истины Мартина Хайдеггера и Людвиг Витгенштейна. См. М. Хайдеггер, *Бытие и время*, пер. В. Бибихина, Москва 1997, с. 212–213, 215, 219; Л. Витгенштейн, *Логико-философский трактат*, [в:] Его же, *Философские работы*, пер. с нем., ч. 1, Москва 1994, с. 10, 18, 20, 56.

¹³ В. Пелевин, *Священная книга оборотня*, указ. соч., с. 331–332.

Необходимо заметить, что в *Священной книге оборотня* вопрос автотеличности языка указан посредством легенды о сверхоборотне, стилизованной под буддийское учение. В рамках этого реконфигурационного варианта Пелевин тонко использует идею *шуньяты*¹⁴, так как слово („истина“) здесь представлено как пустота, отсылающая к своей собственной пустотности (рефлексия по поводу слова „истина“)¹⁵. Эта сложная гносеологическая и лингвистическая проблема, опирающаяся на тупиковую размытость и/или тождественность означаемого и означающего¹⁶, изображена в пародийном диалоге утонченной и премудрой А Хули (номинально – проститутки) с грубым и слабоумным Александром (номинально – высокопоставленным офицером ФСБ). В рассматриваемой сцене идет непрерывная борьба конфликтующих сил *sacrum* и *profanum* – притом эффект пародии вызван несоответствием низкого вульгарного арго спецслужб в высшей степени изысканным идеям¹⁷.

Интересную реконфигурацию пелевинской концепции языка в контексте гносеологии можем отметить также в романе *Empire „V“*, идейный пласт которого в значительной степени опирается на специфическое понимание двойной природы вампира. Необходимо подчеркнуть, что в данном произведении русский писатель, согласно своему *modus operandi*, находит оригинальный новый контекст для этого популярного (и, следует признать, довольно истер-

¹⁴ Ср. E. Pańkowska, *Kategoria pustki w światopoglądzie powieści „Mały palec Buddy“ Wiktora Pielewina*, „Studia Wschodniosłowiańskie“ 2014, t. 14, s. 65–87; А. Соснина, *Идеосемантическая актуализация мотивов, связанных с прилагательным пустой в романе В. О. Пелевина „Чапаев и Пустота“*, „Сибирский филологический журнал“ 2014, № 3, с. 143–149; Л. Гаджизаде, *Хаотичное собрание парадоксов в романе Виктора Пелевина „Чапаев и Пустота“*, „Вестник МГУКИ“ 2011, № 6 (44), с. 228–233; *Buddhist Philosophy. Essential Readings*, edited by W. Edelglass, J. L. Garfield, Oxford 2009, с. 5–6.

¹⁵ См. В. Пелевин, *Священная книга оборотня*, указ. соч., с. 332–333. Ср. В. Пелевин, *Т*, Санкт-Петербург 2015, с. 327.

¹⁶ Ср. О. Печенкина, *Эра тотальной симуляции, или искусственное воскрешение реальности*, [в:] Ж. Бодрийяр, *Симулякры и симуляция*, пер. О. Печенкиной, Тула 2013, с. 7; T. Nakoneczny, *Rosja jako tekst w prozie Wiktora Pielewina*, „Studia Rossica Posnaniensia“ 2016, nr 41, с. 164.

¹⁷ Ср.

Короче, из-за слов люди и оказались в полной жопе. [...] Находясь в жопе, ты можешь сделать две вещи. Во-первых – постараться понять, почему ты в ней находишься. Во-вторых – вылезти оттуда. Ошибка отдельных людей и целых народов в том, что они думают, будто эти два действия как-то связаны между собой. А это не так. И вылезти из жопы гораздо проще, чем понять, почему ты в ней находишься.

В. Пелевин, *Священная книга оборотня*, указ. соч., с. 333.

того) мотива массовой и фольклорной художественной деятельности¹⁸. Так, вампир в тексте Пелевина оказывается существом, одаренным сверхчеловеческим познанием¹⁹, вытекающим из его полубожественной природы. Стоит обратить внимание на значение телесно-духовного дуализма в пелевинской разработке данной темы: вампир состоит из тленного человеческого тела и неизменного, вечного *языка*, описываемого в тексте романа следующим образом:

[...] Вампирам удалось выделить из себя свою суть – то, что мы называем „язык“. Это была как бы переносная флэш-карта с личностью, сердцевина мозга – своего рода червь, на девяносто девять процентов состоящий из нервных клеток. Это вместилище индивидуальности стало селиться в черепе других существ²⁰.

Бессмертная сердцевина вампира неслучайно определена с помощью слова „язык“. На наш взгляд, полисемия такого способа изображения акцентирует одновременно доминирующую и деформирующую роль языка, понимаемого как системная основа мышления, во взаимосвязанных процессах восприятия и концептуализации знаний. Это положение подтверждают также слова Озириса, который в разговоре с Рамой приводит космогоническую легенду о Иштар и ее влечении к узнаванию забытой ею истинной природы реальности:

- Зачем Иштар создала вампиров?
- Вампиры с самого начала были избранными существами, которые помогали Великой Мыши. Нечто вроде ее проекций. Они должны были найти смысл творения и объяснить Великой Мыши, зачем она создала мир. Но этого им не удалось. [...] Тогда вампиры решили хотя бы комфортно обустроиться в этом мире, создав ум „Б“²¹.

Здесь можем обнаружить некую последовательность осмысления проблемы взаимоотношений на линии слово-познание – суть

¹⁸ Ср. М. Липовецкий, А. Эткинд, *Возвращение тритона: советская катастрофа и постсоветский роман*, [в:] электронный ресурс: <http://nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1208/1227/index.html> (01.12.2016).

¹⁹ Здесь стоит обратить внимание на само название романа, так как в обоих языковых вариантах – *Empire „V“* и *Ампир „В“* – приобретает оно форму каламбурной игры. В результате перемещения его последней части получается соответственно английское слово „vampire“, основанное на произношении, или его русский аналог – „вампир“. Ср. К. Livers, *The Tower or the Labyrinth: Conspiracy, Occult, and Empire-Nostalgia in the Work of Viktor Pelevin and Aleksandr Prokhanov*, „The Russian Review“ 2010, No. 69, с. 477–503.

²⁰ В. Пелевин, *Empire „V“: повесть о настоящем сверхчеловеке*, Москва 2015, с. 167–168.

²¹ Там же, с. 326–327.

и смысл существования вампира находятся в *языке*, поэтому в процессе эволюции *вампир буквально им стал*²². К тому же с перспективы наших размышлений о внушительном насилии *слова* немаловажным кажется паразитический характер вампира, т. е., в сущности, *языка*, относительно человека, который, по тексту романа, не был создан, а „выведен“ по закону искусственного отбора²³.

Продолжение такого образа жестокого, эксплуататорского механизма познания заинтересованный читатель может отметить во второй части вампирического диптиха Пелевина — *Бэтмане Аполло*. И здесь автор *Жизни насекомых* использует прием внешнего наставничества, которое в данном случае приобретает форму официального курса для адептов погружения в не-пространство лимбо. По учению Улла, абстрактно работающий ум беспрестанно заслоняет истинное положение дел перед воспринимающим сознанием²⁴, одновременно позволяя вампирам (*языкам*) наслаждаться его полным заблуждением:

Поскольку люди были выведены нами в сугубо утилитарных видах, целью их духовно-мыслительного процесса является не познание истины, как говорят их ученые, и даже не “жизнь, испитая до дна”, как утверждают их гламурные идеологи, а выработка наибольшего количества агрегата „М5” в виде эманаций, которые могут быть уловлены Великой Мышью. Не в наших интересах, чтобы люди осознали реальное положение дел, поставив под угрозу существующий порядок вещей. Поэтому вторая сигнальная система, которой вампиры оснастили их мозг, имеет специально встроенные предохранители-баги. Они делают невозможным познание истины²⁵.

²² См.:

Сначала у нас [вампиров — М. Я.] были тела — мы выглядели как огромные летучие мыши, ну ты в курсе. А потом, когда с климатом стали происходить катастрофические перемены, мы эволюционировали в языки, которые стали вселяться в живых существ, лучше приспособленных к новым условиям.

В. Пелевин, *Empire „V”...*, указ. соч., с. 326; Ср. „волшебный язык, на котором мы думаем [...], самая центральная и интимная часть нашего существа”. В. Пелевин, *Любовь к трем цукербринам*, Москва 2014, с. 17.

²³ Ср. Вампиры выводили животное с особым типом ума”. В. Пелевин, *Empire „V”...*, указ. соч., с. 169.

²⁴ Ср.

Но ведь не может быть, чтобы я сам создал себе такое мучение? Отсюда заключаю, что все это рассуждение есть лишь довитый укус ума, а сам ум подобен сторожащему меня зверю, и мой он лишь в том смысле, что приставлен ко мне сторожем. Дальше этого смертное умозрение пойти не сможет никогда.

В. Пелевин, *S.N.U.F.F.*, Москва 2015, с. 114.

²⁵ В. Пелевин, *Бэтман Аполло*, Москва 2013, с. 79.

Следовательно, человек находится в центре порочного круга, так как его естественное и неостановимое стремление к познанию неизбежно ведет к полному заблуждению. В результате путь к истине оказывается своей противоположностью из-за системной ошибки, вписанной в глубинную природу механизма постижения знаний. Причиной неумения отличить ложь от правды, мираж от непосредственной данности является язык. Итак, инструмент, который номинально (*sic!*) служит высказыванию понятности, вместо раскрытия истины обуславливает концептуальную запутанность²⁶. В *Бэтмане Аполло* данный вопрос разъясняется следующим образом:

- Что такое вторая сигнальная система?
- Это язык, на котором люди говорят и думают. [...] Все языки, несмотря на кажущееся разнообразие, просто разные версии одного и того же кода. А код составлен так, чтобы компьютер постоянно глючило. Сама природа их мышления с неизбежностью наводит в сознании неверную и дикую картину мира [...].
- А какие баги в языке? – спросил кто-то из французов.
- Их очень много. Столько, что проще считать весь язык одним большим багом, кроме которого они вообще ничего не видят. [...] Люди могут только проецировать заложенные в языке искажения²⁷.

В контексте попытки раскрытия настоящей природы действительности посредством слова стоит обратить внимание на еще один, далеко немаловажный элемент повествования, находящийся в рассматриваемом тексте. Любопытно, что сюжет всего романа в значительной степени опирается на оригинальную переработку вышеупомянутого мифа о немомнящей себя Иштар, переданного Озирисом в *Empire „V“*. Реконfigurационный вариант, использованный во второй части вампирического диптиха Пелевина, не только охватывает структуру данного романа, но также может быть прочитан как символ тоски человека по забытому им изначальному пространству вечной истинности. Судьба Софи-Бэтмана, современного воплощения древней Иштар²⁸, указана как непрерывная борь-

²⁶ Ср. М. Хайдеггер, *Бытие и время*, пер. В. Бибихина, Москва 1997, с. 161, 390; Л. Витгенштейн, *Логико-философский трактат*, указ. соч., с. 56.

²⁷ В. Пелевин, *Бэтман Аполло*, указ. соч., с. 79–80. Ср.:

Знаете, есть такое выражение – „мысль изреченная есть ложь“. Чапаев, я вам скажу, что мысль неизреченная – тоже ложь, потому что в любой мысли уже присутствует изреченность. – Это ты, Петька, хорошо изрек.

В. Пелевин, *Чапаев и Пустота*, Москва 2012, с. 462.

²⁸ В данном случае Пелевин умело использует элементы шумеро-аккадской мифологии, в пределах которой Иштар изображалась как гермафродит. См.:

ба за душу человека, стремящегося к истине. Софи — женская часть заглавного Бэтмана — уже в начале своего знакомства с Рамой однозначно декларирует: „Я хочу найти истину”²⁹. К концу романа оказывается, однако, что любовница главного героя старается не постичь настоящую природу реальности, а *вспомнить* ее. Неудачные попытки Софи возобновить контакт с изначальной данностью посредством выключения ума „Б”, помимо проведения научных опытов³⁰, приводят ее к постоянному страданию. Парадоксально путь к истине оказывается хождением по мукам. Кроме того, единственной причиной этой великой печали является заманчивый характер мышления, которое безотказно ведет к апориям языка:

У нее [Софи — М. Я.] чистое сердце. Она хочет освободить людей [от насилия ума „Б” — М. Я.]. Но у нее не получается, и она все время плачет. То, что ей удается обнаружить — всегда лишь очередной тупик³¹.

Не менее интересную реконфигурационную реализацию идеи ложного пути к истине, на наш взгляд, можем найти в романе-пьесе Пелевина под заглавием *Шлем ужаса*. С перспективы наших дальнейших размышлений следует обратить внимание на два немаловажных перекликающихся элемента данного текста: центральный символ лабиринта и сугубо вербальную форму чата. Мотив лабиринта в искусстве — это универсальный топос, обозначающий имманентную невозможность постичь истину³². В *Шлеме ужаса* изображение данной категории культуры, согласно поэтике реконфигурации, приобретает несколько вариантов. По одной из них лабиринт отражает структуру ума, в пределах которого соперничают два противоположных начала — животное и человеческое:

[...] Лабиринт — символ мозга. Открытый мозг и классический лабиринт похожи даже внешне. Минотавр — это животная часть ума, а Тесей — человеческая. Животная часть, естественно, сильнее, но человеческая в конечном счете побеждает, и в этом смысл эволюции и истории. В самом центре лабиринта расположен крест, который символизирует пересечение животного и человеческого начал. Именно там расположен инициатический проход,

М. Элиаде, *История веры и религиозных идей*, т. I: *От каменного века до элевсинских мистерий*, пер. Н. Кулаковой, В. Рокитянского, Ю. Стефанова, Москва 2001.

²⁹ В. Пелевин, *Бэтман Аполло*, указ. соч., с. 67.

³⁰ Там же, с. 424–425.

³¹ Там же, с. 453.

³² См. К. Livers, *The Tower or the Labyrinth: Conspiracy, Occult, and Empire-Nostalgia in the Work of Viktor Pelevin and Aleksandr Prokhanov*, „The Russian Review” 2010, No. 69, с. 480; A. Zywert, *W labiryntcie światów umysłów, czyli o „Hetmie grozy” Wiktora Pielewina*, [в:] *Rosja w dialogu kultur*, pod red. B. Żejmo, t. II, Toruń 2015, с. 393.

где Тесей встречается и побеждает своего врага. Победить Минотавра, сказал он, можно только в себе³³.

Стоит подчеркнуть, что образ, вытекающий из вышеприведенной цитаты, указывает на традиционную западноевропейскую точку зрения, согласно которой телеология исторического процесса человечества эквивалентна идее цивилизационного прогресса. К тому же вектор так понимаемого развития направлен в сторону устранения животного начала, т. е. в сущности *не-языка*³⁴. Следует отметить, что Пелевин явно пародирует такую трактовку данной проблемы, так как выход из лабиринта в таком случае безусловно ведет к бесконечному заблуждению³⁵. Вторая версия значения лабиринта и потерявшихся в нем смертельных врагов, предложенная в *Шлеме ужаса*, находится на противоположном полюсе понимания природы человеческого ума:

[...] [лабиринт — М. Я.] Возникает во время любого разговора с собой или с другими, и каждый из нас на это время становится то Минотавром, то жертвой. С этим мы не можем ничего поделать. [...] В общем лабиринт возникает тогда, когда надо принять решение при наличии нескольких вариантов выбора, а состоит он из набора наших возможных предпочтений, обусловленных природой языка³⁶.

В таком ракурсе лабиринту придается добавочная характеристика — ориентированность на язык, сложная структура которого включает в себе со-существование параллельных путей. Стоит отметить, что даже осознание такого положения дел, как будто бы намекает Пелевин, не в состоянии приблизить человека к выходу, так как каждая из параллельных дорог, указанных словом, оказывается тупиком, т. е. *лжепутем к недоступному пространству вечной истины*. В тексте романа появляется еще несколько интересных версий объяснения смысла лабиринта: психоаналитическая („победить Минотавра можно только одним способом, перестав считать себя жертвой“³⁷), компьютерная („лабиринт — это Интернет“³⁸),

³³ В. Пелевин, *Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре*, Москва 2005, с. 164–165.

³⁴ Ср. Е. Czajlewicz, *Owidiusz, Leonardo, Nietzsche: trzy obrazy chaosu*, „Przegląd Humanistyczny” 1998, nr 3 (348), с. 1–26; В. Пелевин, *Чапаяв и Пустота*, указ. соч., с. 58.

³⁵ Совет звучит: „В лабиринте надо поворачивать два раза вправо и один влево, потом опять два раза вправо и один раз влево, и так до самого конца”. В. Пелевин, *Шлем ужаса: Креатифф...*, указ. соч., с. 165.

³⁶ Там же, с. 166–167.

³⁷ Там же, с. 170.

³⁸ Там же, с. 171.

гегельянская („Минотавр — это дух времени, *zeitgeist*”³⁹), эзотерически-физиологическая („Мондодавр — это нечистый дух, который властвует над миром, заставляя всех без исключения людей блуждать в смрадном лабиринте своего кишечника”⁴⁰) и теологическая („создатель лабиринта и есть наш спаситель, который очень нас любит”⁴¹). На наш взгляд, их можно прочесть как символическое изображение влиятельных *дискурсов*, т. е. модусов толкования реальности посредством своеобразного набора слов. В данном контексте немаловажным кажется факт, что ни одно из вышеприведенных объяснений не признается правильным, т. е. ведущим к выходу. Насилие языка, возможно, по своей глубинной природе исключает выход познающего сознания из своих собственных пределов.

В нынешней статье мы пытались проследить разные реконфигурационные реализации идеи непознаваемости действительности посредством языка в романном творчестве автора *Синего фонаря*. В результате можем констатировать, что данный вопрос не только распространен во многих текстах Пелевина, но также играет в них далеко не второстепенную роль. Кроме того, следует обратить внимание на огромное разнообразие релевантных общекультурных образов (вампир, оборотень) и символов (лабиринт), использованных Пелевиным в оригинальных, никак не очевидных конфигурациях.

Библиография

- Антонов А., ВНУЯЗ („внутренний язык”) в творчестве Пелевина, „Грани” 1995, № 175, с. 125–148.
- Витгенштейн Л., *Логико-философский трактат*, [в:] Его же, *Философские работы*, пер. с нем., ч. 1, Москва 1994.
- Богданова О., Кибальник С., Сафронова Л., *Литературные стратегии Виктора Пелевина*, Санкт-Петербург 2008.
- Бодрийяр Ж., *Симулякры и симуляция*, пер. О. Печенкиной, Тула 2013.
- Гаджизаде Л., *Хаотичное собрание парадоксов в романе Виктора Пелевина „Чапаяв и Пустота”*, „Вестник МГУКИ” 2011, № 6 (44), с. 228–233.
- Генис А., *Поле чудес*, [в:] электронный ресурс: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen2/1.html>, (09.09.2016).
- Деррида Ж., *Диссеминация*, пер. Д. Кралечкина, Екатеринбург 2007.
- Липовецкий М., *Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе*, „Знамя” 1999, № 11, с. 207–215.

³⁹ Там же, с. 172.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, 173.

- Липовецкий М., Эткинд А., *Возвращение тритона: советская катастрофа и пост-советский роман*, [в:] электронный ресурс: <http://nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1208/1227/index.html> (01.12.2016).
- Немзер А., *Как я упустил карьеру*, [в:] электронный ресурс: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-nemz/1.html> (05.04.2016).
- Пелевин В., *Ананасная вода для прекрасной дамы*, Москва 2015.
- Пелевин В., *Бэтман Аполло*, Москва 2013.
- Пелевин В., ДПП (НН), Москва 2013.
- Пелевин В., *Лампа Мафусаила, или крайняя битва чекистов с масонами*, Москва 2016.
- Пелевин В., *Любовь к трем цукербринам*, Москва 2014.
- Пелевин В., *П5: прощальные песни политических пигмеев Пиндостана*, Москва 2008.
- Пелевин В., *Священная книга оборотня*, Москва 2015.
- Пелевин В., *Смотритель. Железная бездна*, Москва 2015.
- Пелевин В., *Синий фонарь. Сборник*, Москва 2014.
- Пелевин В., *Т*, Санкт-Петербург 2015.
- Пелевин В., *Чапаев и Пустота*, Москва 2012.
- Пелевин В., *Шлем ужаса: Креатифф о Тесе и Минотавре*, Москва 2005.
- Пелевин В., *Empire „V“: повесть о настоящем сверхчеловеке*, Москва 2015.
- Пелевин В., *Generation „П“*, Москва 2014.
- Пелевин В., *iPhuck 10*, Москва 2017.
- Пелевин В., *S.N.U.F.F.*, Москва 2015.
- Полотовский С., Козак Р., *Пелевин и поколение пустоты*, Москва 2012.
- Соснина А., *Идеосемантическая актуализация мотивов, связанных с прилагательным пустой в романе В. О. Пелевина „Чапаев и Пустота“*, „Сибирский филологический журнал“ 2014, № 3, с. 143–149.
- Хайдеггер М., *Бытие и время*, пер. В. Бибихина, Москва 1997.
- Элиаде М., *История веры и религиозных идей*, т. 1: *От каменного века до элевсинских мистерий*, пер. Н. Кулаковой, В. Рокитянского, Ю. Стефанова, Москва 2001.
- Czaplewicz E., *Owidiusz, Leonardo, Nietzsche: trzy obrazy chaosu*, „Przegląd Humanistyczny“ 1998, nr 3 (348), с. 1–26.
- Nakoneczny T., *Rosja jako tekst w prozie Wiktora Pielewina*, „Studia Rossica Posnaniensia“ 2016, nr 41, с. 159–172.
- Pańkowska E., *Kategoria pustki w światopoglądzie powieści „Mały palec Buddy“ Wiktora Pielewina*, „Studia Wschodniosłowiańskie“ 2014, t. 14, с. 65–87.
- Zywert A., *W labiryncie światów umysłów, czyli o „Hełmie grozy“ Wiktora Pielewina*, [w:] *Rosja w dialogu kultur*, pod red. B. Żejmo, t. II, Toruń 2015, с. 393–402.
- Buddhist Philosophy. Essential Readings*, edited by W. Edelglass, J. L. Garfield, Oxford 2009.

Dalton-Brown S., *The Dialectics of Emptiness: Douglas Coupland's and Viktor Pelevin's Tales of Generation X and P*, "Forum for Modern Language Studies" 2006, No. 3 (42), c. 239-248.

Livers K., *The Tower or the Labyrinth: Conspiracy, Occult, and Empire-Nostalgia in the Work of Viktor Pelevin and Aleksandr Prokhanov*, "The Russian Review" 2010, No. 69, c. 477-503.